ПОСЛѢДНІЕ ДНИ

ЖИЗНИ

ИМПЕРАТОРА

АЛЕКСАНДРА Iго.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,
у книгопродавця Ивана Заикина
1827.

35

Г 9
83

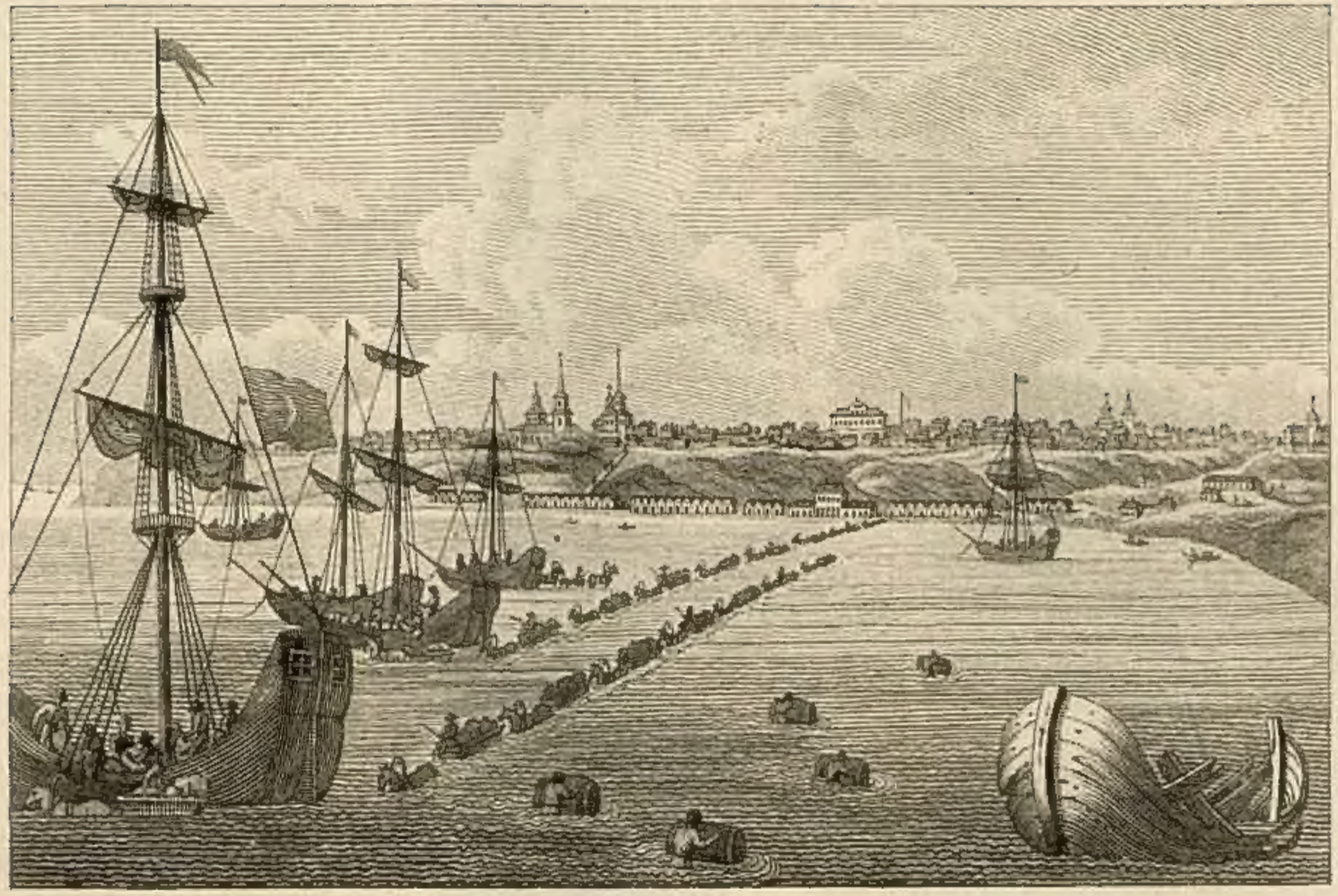
2007044076

ПОСЛѢДНІЕ ДНИ

ЖИЗНИ

ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА

АЛЕКСАНДРА I.



Таганрогъ.

ПОСЛѢДНІЕ ДНИ ЖИЗНИ НЕЗАБВЕННАГО МОНАРХА ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА АЛѢКСАНДРА I.

Съ изображеніемъ Таганрога и плана Дворца.

Издано Иваномъ Заикинымъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
1827.

ПОСЛѢДНІЕ ДНИ ЖИЗНИ

НЕЗАБВЕННАГО МОНАРХА,

ВЪ БОЗѢ ПОЧИВАЮЩАГО

ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА

АЛЕКСАНДРА I.

Все здѣсь писанное взято изъ достовѣрныхъ записокъ очевидцевъ и приближенныхъ покойнаго

ГОСУДАРЯ.

Съ видомъ Таганрога и планомъ дворца.

ИЗДАНО

Иваномъ Заикинымъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Печатано въ Типографіи Экспедиціи Заготовленія Государственныхъ бумагъ.

1827.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобъ по отпечатаніи до выпуска изъ типографіи, представлено было въ Главный Цензурный Комитетъ семь экземпляровъ сей книги, для препровожденія куда слѣдуетъ, на основаніи узаконеній. С. Петербургъ, 7 Іюня 1827.

Цензоръ, Статскій Совѣтникъ

В. Анастасевичъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Глубокомысленный наблюдатель, безпристрастно разсматривающій Исторію Россійскаго Государства, будетъ удивляться чуднымъ путямъ, которыми Россія достигла настоящаго высокаго положенія своего, и въ сцѣпленіи обстоятельствъ, которыми судьба кажется, какъ бы ведущею Россію на высочайшую степень величія, увидитъ съ чувствомъ глубочайшаго почитанія мудрые пути Провидѣнія. Въ продолженіи многихъ столѣтій сіе самое Провидѣніе замѣняло почти всегда потерю многолюбимаго Повелителя другимъ, котораго мужество и внутреннія качества были сообразны времени и различнымъ обстоятельствамъ. — Пятнадцатое, шестнадцатое, семнадцатое, восемнадцатое и девятнадцатое столѣтія представляютъ разительные тому примѣры. Также замѣчательна вѣрность и неограниченная лю-

бовь, которую Россіяне, въ продолженіи тысячелѣтняго историческаго бытія своего, питали всегда къ законному поколѣнію Повелителей своихъ. Сіе видно будетъ и въ семъ небольшомъ сочиненіи, писанномъ въ горестные дни, когда печальная вѣсть о кончинѣ возлюбленнаго Государя разнеслась въ столицѣ.

Нѣкоторыя обстоятельства замедлили появленіе онаго въ свѣтъ; но кто въ оное время находился въ Петербургѣ, или изъ вѣрныхъ разсказовъ зналъ о тогдашнемъ расположеніи духа въ сей столицѣ, тотъ не будетъ сомнѣваться въ вѣрности изображенія.

Люди тогда только чувствуютъ полную цѣну благополучія, когда ушрашятъ оное. Истина сія разительна въ примѣненіи къ лицамъ, которыхъ высокое званіе обращаетъ на себя взоры свѣта, которыхъ громкія дѣла вынуждаютъ удивленіе, которыхъ судьба внушаетъ участіе, и наконецъ къ лицамъ, коихъ открытая, возвышенная душа щастливо соединилась со всею прелестію наружности и тѣмъ покорила себѣ сердца современниковъ. — Драгоцѣнна память мужа, имѣющаго во всѣхъ сихъ отношеніяхъ неотъемлемое право на любовь и удивленіе вселенной, мужа, котораго могилу не только Россія и Европа, но все человѣчество орошаетъ слезами горести и признательности. — Нѣтъ болѣе АЛЕКСАНДРА! Единогласный вопль раздался отъ хладныхъ ледяныхъ громадъ Сѣвера до цвѣтущихъ странъ Полудня и объялъ сердца ужасомъ. Сія горестная вѣсть, сна-

чала сомнительная, но не менѣе того жестокая, а вскорѣ превратившаяся въ гибельную увѣренность, сразила всю Россію.

Въ первые дни послѣ сего неожиданнаго удара, столица, обыкновенно столь шумная, казалась какъ бы мертвою: безмолвное уныніе воцарилось въ домахъ и тихій шопотъ замѣнялъ громкіе разговоры. — По видимому, страшились пробудить недремлющую въ сердцахъ скорбь; она обнаруживалась слезами и блѣдностію лицъ. — Въ послѣдствіи первымъ утѣшеніемъ было горестное воспоминаніе всѣхъ доблестей усопшаго Монарха; но сіе самое воспоминаніе Его добродѣтелей, Его неизмѣннаго человѣколюбія, еще болѣе заставляло чувствовать потерю, еще болѣе растравляло общую рану.

Черты жизни Незабвеннаго передавались взаимно въ разговорахъ, какъ бы въ доказательство рѣдкихъ Его доблестей; чувствованія любви и признательности изображались на лицахъ сѣтующихъ. Да позволятъ мнѣ читатели привесть здѣсь одно изъ неважныхъ обстоятельствъ, но которое однакоже не менѣе свидѣтельствуетъ о прекрасномъ, человѣколюбивомъ сердцѣ АЛЕКСАНДРА I^го.

Покойный Императоръ, почитая порядокъ первою добродѣтелію правленія, подтвердилъ, не вручать Государю лично никакихъ прошеній, а подавать оныя чрезъ Дежурнаго Генералъ-Адъютанта, или другимъ узаконеннымъ для сего порядкомъ. Не смотря на неоднократныя запрещенія, Благословенный АЛЕКСАНДРЪ не могъ избѣгнуть множества докучливыхъ челобитчиковъ, преслѣдовавшихъ Его даже въ Царскомъ Селѣ, гдѣ, утомленный отъ трудовъ, любилъ онъ отдыхать и въ прогулкахъ обдумывать свои благія намѣренія. Одинъ Нѣмецъ, Россійскій подданный, тщетно и долго ожидавшій рѣшенія своего праваго дѣла, отъ котораго зависѣло все его благосостояніе, рѣшился воспользоваться въ Царскомъ Селѣ временемъ Государевой прогулки и, подвергая себя гнѣву Царскому, лично подать ему просьбу; воспользовался, палъ на колѣна, протянулъ руку — „*Ужели и здѣсь не найду я покоя,*“ сказалъ недовольный Государь. Проситель не говорилъ ни слова; Государь отошелъ отъ него, но, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, оборотился и видя челобитчика на колѣнахъ и въ томъ же самомъ положеніи, какъ бы пораженнаго отка-

зомъ, подошелъ къ нему и, съ свойственною Его Величеству ласкою, подалъ ему руку, сказавъ: *„встаньте, отдайте вашу просьбу Генералу Дибичу и будьте покойны.“*

Подобные сему анекдоты были предметомъ всеобщихъ разговоровъ. — Особенно воспоминали произшествія прошлаго 1824 года Ноября 7, когда несчастіе, постигшее столицу Петра Великаго, показало народу болѣе, нежели когда либо, сострадательную душу Государя. Народъ, по свойственному ему суевѣрію, обыкновенно прiискиваетъ всякому великому событію или несчастію предзнаменованія; такъ, напримѣръ, наводненіе Петербурга тронуло глубоко чувствительность Монарха, но на умы народа сдѣлало впечатлѣніе другаго рода. Извѣстно, что передъ рожденіемъ Его Величества было подобное наводненіе 1777 года. По вступленіи Его на престолъ 1802 г. такжe, хотя не столь великое. Изъ сего заключили, что въ судьбѣ АЛЕКСАНДРА I. должна опять послѣдовать какая либо перемѣна. Другое, самое обыкновенное приключеніе, давало поводъ суевѣрію къ новымъ толкамъ.

Загорѣлась церковь Преображенія; пламя объяло все зданіе; но по ушушеніи пожара нашли, что совершенно сгорѣли одинѣ только главы, прочее же не столько пострадало отъ огня. Появленіе кометы заставило многихъ суевѣрныхъ призадумашься: „хвостъ ея обращенъ на Россію,“ говорили вѣщуны. Всего замѣчашельнѣе обсшоящельсшва, случившіяся при послѣднемъ ошъѣздѣ Государя изъ Пешербурга. Онъ имѣлъ обыкновеніе предъ всякою поѣздкою своею, служишь молебенъ въ Казанскомъ Соборѣ; но эшошъ разъ было иначе.

30 Августа Греко-Россійская церковь празднуешъ препесеніе Мощей Свящаго, Благовѣрнаго и Велшкаго Князя, Александра Невскаго изъ града Владиміра въ С. Пешербургъ. — Благочесшивѣйшіе Государи и Августѣйшая Императорская Фамилія имѣли обыкновеніе слушашь въ сей день Божесшвенную Лишургію въ Лаврскомъ Соборѣ, въ который, за нѣсколько дней предъ праздникомъ, Они, сообразно семужъ обыкновенію, приглашаемы были Преосвященнѣйшимъ Мишрополишомъ. При приглашеніи и въ сей разъ, Блаженныя памяши Государь Императоръ АЛЕКСАНДРЪ ПАВЛОВИЧЬ,

вмѣстѣ съ согласіемъ своимъ быть у Божественной Литургіи въ Лаврѣ, 30 Августа, изъявилъ Преосвященному Митрополиту желаніе отслужить тамъ же, въ день своего отъѣзда въ Таганрогъ, то есть 1 числа Сентября, молебенъ, въ 4 часа утра, который совершить просилъ Онъ самаго Преосвященнаго Митрополита, съ Лаврскою братіею, прибавя къ тому, что никто не долженъ знать о семъ Его посѣщеніи, и тогда же обѣщалъ прислать къ празднику восковыхъ свѣчь, росиаго ладона и оливковаго масла, что все въ большомъ количествѣ и было доставлено въ Лавру наканунѣ праздника.

При назначеніи на сей случай ризницы, Преосвященный Митрополитъ приказалъ изготовить облаченіе богатое (рытаго малиноваго бархата по золотому грунту), но неблистательное, сказавъ при семъ ризничему, что, не смотря на то, что мы ожидаемъ къ себѣ столь Высокаго Посѣтителя, онъ считаетъ неприличнымъ употребить свѣтло-торжественное облаченіе, такъ какъ мы, хотя и на время, но разлучаемся, какъ дѣти съ своимъ отцемъ.

Сентября 1 день наступилъ. — Ударилъ назначенный часъ. — Митрополитъ,

Архимандриты въ полномъ облачении и вся братія для срѣщенія Императора вышли заблаговременно къ воротамъ Лаврскимъ; все покрыто было еще мракомъ; ночная тишина царствовала надъ столицею. Въ 4 часа съ четвертью легкая коляска, запряженная тройкою, безъ всякаго сопровожденія, даже безъ лакѣя, быстро подъѣзжаетъ къ воротамъ монастырскимъ, останавливается; — кто-то сходитъ: — это былъ самъ Императоръ, въ фуражкѣ, сѣромъ плащѣ, вицъ-мундирѣ, безъ шпаги. Увидѣвъ братію, Онъ поспѣшно сошелъ съ коляски; еще не въѣзжая въ ворота, приложился къ животворящему Кресту, былъ окропленъ Святою водою, принялъ благословеніе отъ Митрополита, и сказалъ, *что Онъ нѣсколько опоздалъ пріѣздомъ*; потомъ приказалъ затворить за собою ворота и изволилъ идти въ Соборную церковь. Монашествующіе въ сіе время пѣли тропарь: *Спаси Господи люди Твоя* и проч. Войдя въ Соборъ, Государь благоговѣйно остановился предъ ракою Святаго Александра Невскаго, предъ которою и началось обычное молебствіе (чинъ благословенія въ путешествіе). Когда наступило время чтенія Святаго

Евангелія, но Государь, приближившись къ Преосвященному Митрополиту, сказалъ: „*положите Мнѣ Евангеліе на голову,*“ и съ сими словами палъ на колѣно подъ Евангеліе. Митрополитъ исполняетъ Его волю, и положивъ Священную книгу на главу величайшаго изъ владыкъ земныхъ, въ смиреніи преклонившаго колѣно, читаетъ Божественныя слова. По совершеніи молебна Государь прикладывался къ Св. кресту, съ окропленіемъ Святою водою. Вмѣстѣ съ симъ Митрополитъ благословилъ Его иконою Спасителя. Государь, принявъ оную и приложившись къ ней, взялъ благословеніе у Митрополита. Поелику при Государѣ никого не было, то Онъ, отдавъ икону Перводіакону, сказалъ: „*доставьте сію икону въ мою коляску,*“ а самъ, положивъ три земныхъ поклона предъ Мощами Благовѣрнаго Князя, приложился къ его образу и изволилъ расклашяться съ бывшими при молебствіи. Прощаясь съ Преосвященнымъ Митрополитомъ, изволилъ сказать ему, что Государыня Императрица ЕЛИСАВЕТА АЛЕКСѢЕВНА *вчерашній день была въ Казанскомъ Соборѣ, и* Ей *теперь лучше.*

Изшествіе Его Величества было тѣмъ же порядкомъ, а именно: вся братія въ мантіяхъ, восемь Іеромонаховъ и два Архимандрита въ облаченіяхъ, равно и самъ Преосвященный Митрополитъ, въ полномъ облаченіи и съ крестомъ въ рукахъ, провожали Высокаго Посѣтителя, съ пѣніемъ того же тропаря: *Спаси Господи люди Твоя.*

Выпедши изъ церкви, Преосвященный Митрополитъ сказалъ Государю: Ваше Величество, не угодно ли пожаловать ко мнѣ въ келью? „*Очень хорошо*“ отвѣчалъ Императоръ: „*только не надолго*; *Я уже и такъ полчаса по маршруту пропышкалъ.*“ Такимъ образомъ отъ Собора всѣ провожавшіе поворотили къ дому Преосвященнаго Митрополита и вошли въ залу. — Государь съ Митрополитомъ удалились въ гостиную. Здѣсь, принявъ снова благословеніе у Преосвященнѣйшаго и поговоривъ съ нимъ нѣсколько стоя, Онъ сѣлъ, и просилъ Преосвященнаго сѣсть подлѣ Него. Митрополитъ, желая склонить разговоръ къ предмету занимательному для Высокаго Гостя, сказалъ: я знаю, что Ваше Императорское Величество вездѣ жалуете схимниковъ; и въ нашей Лаврѣ

есть нынѣ схимникъ; — не благоволите ли приказать позвать его? „*Хорошо, позовите,*“ отвѣчалъ Государь. Схимникъ тотчасъ былъ призванъ и представленъ Монарху. Государь принялъ благосклонно достопочтеннаго старца, просилъ у него благословенія и разговаривалъ съ нимъ нѣсколько минутъ. Уходя, схимникъ сказалъ умиленнымъ голосомъ: Государь, сдѣлай милость, удостой и мою келью своимъ посѣщеніемъ! Государь, узнавъ отъ Митрополита, что келья схимника у самаго подъѣзда, къ которому уже и коляска была подана, изъявилъ согласіе посѣтить старца.

Дверь отворилась, и мрачная картина представилась глазамъ Государя; полъ и всѣ стѣны, до половины обитыя чернымъ сукномъ; на лѣвую сторону у стѣны, большой мѣры Распятіе съ предстоящими Богоматерію и Евангелистомъ Іоанномъ; у другой стѣны келы черная длинная деревянная скамейка; лампада, горящая предъ Святыми Иконами, тускло освѣщала печальное жилище схимника.

При входѣ Императора, схимникъ палъ предъ Распятіемъ, читая молитву и въ то же время, обратясь къ своему Высокому Гостю, сказалъ: Государь,

молись! и Государь положилъ три земныхъ поклона. Потомъ схимникъ, взявши крестъ, прочелъ отпустъ, и осѣнилъ Государя.

По окончаніи сей краткой молитвы, Монархъ сѣлъ съ Митрополитомъ на скамейку, и приказалъ сдѣлать тоже схимнику, который, послѣ отрицанія отъ сей высокой чести, наконецъ долженъ былъ повиноваться и занялъ мѣсто подаль отъ нихъ. Продолжая разговаривать въ полголоса съ Митрополитомъ, Государь спросилъ его: *все ли здѣсь имущество схимника, ежь онъ спитъ? Я не вижу постели.* Спитъ онъ, отвѣчалъ Митрополитъ, на томъ же полу, предъ симъ самымъ распятіемъ, предъ которымъ молился.

Схимникъ, вслушавшись въ слова сіи, всталъ и сказалъ: нѣтъ, Государь, и у меня есть постель, пойдемъ, я покажу Тебѣ ее. Съ сими словами повелъ отъ Императора за перегородку въ своей кельѣ, гдѣ представилось поразительное для Государя зрѣлище: на столѣ стоялъ черный гробъ, въ коемъ лежали схима, свѣчи и все, принадлежащее къ погребенію. „Смотри,“ сказалъ Схимникъ: „вотъ постель моя, и не моя только, а

посшель всѣхъ насъ; въ ней всѣ мы, Государь, ляжемъ и будемъ спашь долго!

Молча, погруженный въ размышленіе, споялъ Монархъ нѣсколько минушъ. Когда Государь опошелъ ошъ гроба, по схимникъ обрашился къ нему съ слѣдующими словами: Государь, я человѣкъ спарой и многое видѣлъ на свѣшѣ; благоволи выслушашь слова мои. До великой чумы въ Москвѣ нравы были чище, народъ набожнѣе; но послѣ чумы нравы испоршились; въ 1812^мъ году наспушило время исправленія и набожносши; но, по окончаніи войны сей, нравы еще болѣе испоршились. Ты Государь нашъ, и долженъ бдѣшь надъ нравами. Ты сынъ православныя церкви, и долженъ любишь и охранящь ее. Такъ хощешъ Господь Богъ нашъ." — Выслушавъ сіи слова спарца, Монархъ обрашился къ Преосвященному и сказалъ ему: „*многія длинныя и краснорѣчивыя рѣчи слышалъ я, но ни одна такъ мнѣ не понравилась, какъ краткія слова сего старца. Жалѣю,* (сказалъ Онъ пошомъ схимнику) *что я давно съ тобою не познакомился,*" и обѣщался его посѣщашь. За симъ, взявши у него благословеніе, вышелъ изъ

его кельи съ Преосвященнымъ Митрополитомъ. Проходя мимо братіи, стоявшей въ два ряда, отъ кельи схимника до коляски, Государь просилъ молитвъ, еще разъ принялъ благословеніе отъ Преосвященнаго Митрополита. Садясь въ коляску, онъ поднялъ къ небу глаза, орошенные слезами и, обращясь еще къ Митрополиту и братіи, сказалъ: „*помолитесь обо мнѣ и о женѣ моей.*“ — Лаврою, до самыхъ воротъ, Онъ ѣхалъ съ открытою головою, часто оборачивался, кланялся и крестился, смотря на Соборъ. Благословенія всей братіи сопровождали Его.

И такъ мрачная келья, открытый гробъ, со всѣми принадлежностями къ похоронамъ, были послѣдними предметами, представившимися въ Бозѣ почивающему Государю при выѣздѣ Его изъ столицы.

Его Величество, казалось, самъ имѣлъ темное предчувствіе о своей кончинѣ. Бывало, проѣзжая съ Каменнаго Острова Невскіе мосты, обнаруживалъ Онъ веселость, восхищался плавностію рѣки, великолѣпіемъ зданій и набережною; но въ послѣдній свой отъѣздъ изъ столицы, какъ замѣтилъ Его спутникъ, Онъ былъ

задумчивъ; въ смущномъ молчаніи смотрѣлъ, проѣзжая мимо крѣпости, на Петропавловскій Соборъ, гдѣ почиваетъ прахъ Его Предковъ.

Путешествіе до Таганрога совершилось скоро и благополучно. По прибытіи въ сей городъ первою заботою Императора было устроеніе дворца для пріятія Августѣйшей Супруги Своей. — Онъ встрѣтилъ Царицу съ восторгомъ радости, а чтобы сдѣлать, сколько возможно, пріятнымъ единообразный Таганрогъ, старался доставлять Государынѣ всякое развлеченіе; прилагалъ неусыпное и нѣжное попеченіе о драгоцѣнномъ Ея здравіи, которое и начало было видимо поправляться. — По сему радостному обстоятельству, Государь хотѣлъ отложить столь желанное прежде путешествіе въ Крымъ; но прибытіе Графа Воронцова, имѣющаго тамъ большія помѣстья, перемѣнило Его намѣреніе; Онъ обѣщалъ Графу объѣхать Крымъ и хотѣлъ сдержать обѣщаніе.

Генералу Дибичу повелѣлъ Государь начертить планъ сего путешествія, что и было немедленно исполнено. „*Вашъ маршрутъ*,“ сказалъ Онъ Генералу Дибичу: „*слишкомъ продолжителенъ; сокра-*

тите его.“ Генералъ сокращилъ и подпесъ его Императору. — „*Какъ, двадцать дней пъзды; кажется, Вы ничего не убавили,*“ сказалъ Государь: „*сократите, сократите.*“ — И шакъ пушешествіе, по послѣднему плану, должно было совершишься въ семнадцашь дней.

Незадолго передъ опъѣздомъ Государь сѣлъ за свой письменный столъ; вдругъ небо помрачилось, шакъ что непремѣнно нужно было принесшь зажженныя свѣчи; вскорѣ однакоже прояснилось, и Камердинеръ хошѣлъ вынесши свѣчи. На вопросъ Государя: *зачѣмъ*, служишель опвѣчалъ, что на Руси худая примѣша сидѣшь при свѣчахъ днемъ. Государь не опвѣчалъ ничего; но, по возвращеніи изъ Крыма, чувспвуя себя нездоровымъ, вспомнилъ о свѣчахъ и сказалъ, что *худая примѣта можетъ быть и справедлива.*

Еще одно обспоящельсшво замѣчашельно по случаю горесшнаго сего происшесшвія: — Государь во всякомъ городѣ посѣщалъ сперва Соборную церковь; но въ Таганрогѣ повелъ Опъ Императрицу въ монасшырь Александро-Невскій Іерусалимскій, пошому что Соборная церковь была холодна.

Въ сей монастырь перенесено было 11 Декабря тѣло въ Бозѣ почивающаго Императора АЛЕКСАНДРА Iго.

ПОѢЗДКА ВЪ КРЫМЪ,

БОЛѢЗНЬ И КОНЧИНА

ИМПЕРАТОРА.

---

20 Октября выѣхалъ Государь изъ Таганрога, и въ первые дни путешествія былъ очень веселъ и разговорчивъ.

25 Октября отправился изъ Симферополя къ южному берегу полуострова и проскакалъ 35 верстъ верхомъ, чтобы достигнуть до Юрсуфа. Экипажамъ велѣно было ожидать Государя въ Байдарѣ: кухня и метрдотель оставались при экипажахъ. Ето было, по мнѣнію Доктора Вилье, главною причиною болѣзни Государя; ибо дорогою принужденъ былъ вкушать пищу, хотя весьма хорошо приготовленную, но несовершенно сходную съ обыкновенно употребляемою Его Императорскимъ Величествомъ.— Онъ также, противу обыкновеннаго, кушалъ много плодовъ.

25 Октября въ Юрсуфѣ обѣдалъ Государь весьма поздно; на другой день поѣхалъ въ *Алупку* (имѣніе Графа Воронцова); дорогою осматривалъ *садъ Никитинской* и много гулялъ пѣшкомъ; въ тотъ же день былъ на новокупленной Имъ у Графа Кушелева-Безбородко мызѣ (Оріендѣ) и оттуда отправился одинъ къ Княгинѣ Голицыной. Во владѣніи семъ господствовала тогда лихорадка. Ночь провелъ Императоръ у одного Татарина. Прибывъ въ Алупку, обѣдалъ Онъ также очень поздно: кушалъ много плодовъ. Поутру отправился пѣшкомъ изъ Алупки, и сѣвъ послѣ на лошадь, проѣхалъ болѣе 40 верстъ. — Дорогою жаловался на свою лошадь. Въ тотъ же день надлежало Ему проѣзжать по весьма дурной и гористой дорогѣ, чтобы достигнуть селенія, принадлежащаго Мордвинову и находящагося во внутренности сего края.

По прибытіи въ Байдаръ, Государь еще ничего не вкушалъ; сѣвши въ свою коляску, чтобъ ѣхать въ Севастополь, былъ Онъ уже въ большомъ ослабленіи. На станціи, въ двухъ верстахъ отъ Балаклавы, сѣлъ на лошадь и поѣхалъ съ Генераломъ Дибичемъ на смотръ Грече-

скаго баталіона, состоявшаго подъ командою Равальоша. — Послѣ смотра Государь завтракалъ у Баталіоннаго Командира, и кушалъ немного извѣстнаго рода крылатой рыбы, которая весьма жирна. Въ Балаклавѣ, сѣвъ въ коляску, ѣхалъ до того мѣста, гдѣ отходитъ дорога въ монастырь Св. Георгія. Тамъ, сѣвши опять на лошадь, поѣхалъ въ сей монастырь, въ сопровожденіи одного Фельдъегеря, не взявши ни сертука ни шинели, хотя солнце садилось, вѣтеръ довольно былъ силенъ и воздухъ весьма прохладенъ. Онъ пробылъ тамъ около часа.

На станціи сѣлъ опять въ коляску, и вечеромъ въ десятомъ часу, при свѣтѣ факеловъ, прибылъ въ Севастополь; посѣтилъ Храмъ Божій, и при свѣтѣ же факеловъ дѣлалъ смотръ морскимъ полкамъ. Потомъ спросилъ обѣдать, но ничего не кушалъ, а занялся приказаніями для слѣдующаго дня.

28 Октября Императоръ присутствовалъ при спускѣ корабля и тамъ завтракалъ; осмотрѣлъ военную госпиталь, находящуюся въ трехъ верстахъ отъ города, а по возвращеніи выслушивалъ всѣхъ до третьяго часа; послѣ чего прогуливался пѣшкомъ по берегу мо-

ря и приказалъ подать катеръ, чтобы посмотрѣть линейный корабль, недалеко на якорѣ стоявшій, и въ томъ же катерѣ переправился на противолежащій берегъ; посѣтилъ тамъ морскую госпиталь и казармы, въ которыхъ воздухъ былъ чувствительно сыръ и холоденъ. Изъ казармъ поѣхалъ Государь за пять верстъ на Александровскую батарею, и приказалъ оной стрѣлять свѣтлыми ядрами. Домой возвратился поздно, обѣдалъ со всѣми своими Генералами, а послѣ занимался съ Генераломъ Дибичемъ долѣе обыкновеннаго.

29.го велѣно было экипажамъ переправляться на другой берегъ, а Государь дошелъ пѣшкомъ до самаго моря, сѣлъ въ катеръ и поплылъ въ Константиновскую батарею; тамъ подали Ему дрожки и Онъ ѣздилъ осматривать укрѣпленія. Тутъ бросился Государю въ ноги одинъ Флотскій офицеръ, находившійся подъ военнымъ судомъ, прося помилованія. — (Сей поступокъ произвелъ весьма непріятное впечатлѣніе на разстроенные уже нервы Государя). Осмотрѣвъ Константиновскія укрѣпленія, Государь поѣхалъ въ коляскѣ въ Бакчисарай, которой ему однакожъ не столько понравился, какъ

въ первую поѣздку; Государь не былъ совершенно болепъ, но чувствовалъ нѣкоторую слабость, и приписывалъ причину оной барбарисному соку, который Онъ пилъ.

30 Октября пріѣхалъ Онъ въ крѣпость *Джуфуткале*, (*) мѣстечко, населенное *жидами*, коихъ называютъ караимами, или караитами, смотрѣлъ ихъ Синагогу (молитвенный храмъ). На возвратномъ пути въ Бакчисарай, осмотрѣлъ Онъ близлежащій Греческій монастырь, и, пріѣхавши назадъ, говорилъ, что чувствуетъ себя нездоровымъ чего однакожъ, по наружности, не льзя было замѣтить. Въ сей самый день Государь обѣдалъ съ Магомешанскими сановниками и былъ весьма расположенъ; ввечеру, увидѣвъ нѣсколько мечетей, пошелъ Онъ тотчасъ къ одному изъ обывателей, чтобы увидѣть обряды ихъ богослуженія. Того же вечера призвалъ Онъ Вилліе и разговаривалъ съ нимъ о состояніи здоровья Императрицы ЕЛИСАВЕТЫ АЛЕКСѢЕВНЫ. „*Я очень жалѣю*, сказалъ Его Величество, *что не моегъ быть при Ней, коеда получила Она*

(*) Значитъ жидовская крѣпость.

извѣстіе о кончинѣ Баварскаго Короля.“ — Разспрашивалъ у Доктора о томъ, что пишетъ къ нему Лейбъ-Медикъ Императрицы (Шгофрегенъ) на счетъ Ея здравія, и самъ признался, *что страдаетъ, и что уже нѣсколько ночей худо спалъ; но, не смотря на то,* прибавилъ Онъ: „*ты и лѣкарства твои мнѣ не нужны; Я умѣю самъ себя лѣчить.*“ Вилліе осмѣлился представить, что въ Его положеніи одинъ пріемъ ревеню былъ бы вовсе неизлишнимъ. — „*Оставь меня въ покоѣ,*“ возразилъ Государь, „*Я уже сказалъ тебѣ, что не хочу лѣкарствъ.*“ Съ сего времени до самаго пріѣзда въ *Маріуполь*, всякой разъ, когда Д. Вилліе освѣдомлялся о здравіи Императора, Его Величество отвѣчалъ: „*Я здоровъ: не говори мнѣ ничего о лѣкарствѣ.*“

Изъ Бакчисарая поѣхалъ Государь въ Козловъ (Евпаторію), близъ коего находящіяся болота производятъ часто гнилой и заразительный воздухъ. Императоръ осматривалъ здѣсь церкви, мечети, синагоги, казармы и карантины; разговаривалъ долго съ однимъ Капитаномъ Турецкаго корабля, невыдержавшимъ еще карантина.

Хотя Государь вообще не любилъ принимать лѣкарствъ, не любилъ даже и говорить объ оныхъ, особенно за столомъ, но при обѣденномъ столѣ, бывшемъ между Знаменкой и Орѣховымъ, разспрашивалъ Онъ своего Лейбъ-Медика о Крымскихъ лихорадкахъ и внимательно слушалъ сужденіе Г. Вилліе, наконецъ спросилъ, *знаетъ ли онъ дѣйствительное средство противъ сей болѣзни?* — Докторъ назвалъ оное — „*Есть ли оно у васъ въ походной аптекѣ*,“ спросилъ Государь. Лѣкарство было принесено и Государь, не смотря на отвращеніе свое ко всему, что сильно пахнетъ, отвѣдалъ его нѣсколько разъ. —

Въ продолженіи пути Государь оказывалъ особое отвращеніе ко вкусу сего лѣкарства. Вообще замѣтно было, что Государь, хотя и не лишился обыкновеннаго спокойствія духа и исполненнаго доброты обхожденія, былъ однакожъ задумчивѣе и менѣе прежняго разговорчивъ.

Особы, обыкновенно находившіяся при Его столѣ, были Генералъ Дибичъ, Лейбъ-Медикъ Вилліе и Полковникъ Соломка; только въ послѣдній день въ Бакчисараѣ Государь обѣдалъ одинъ.

Въ Маріуполѣ позвалъ Государь Вилліе, и въ первый разъ говорилъ съ нимъ обстоятельно о своей болѣзни. — Виллiе нашелъ, что у Него сильная лихорадка; ногти Его были сини, а въ шѣлѣ ознобъ и дрожь. Хотя лихорадка Его и оставила, но въ послѣдній день путешествія, на переѣздѣ изъ Маріуполя въ Таганрогъ, Онъ почти ничего не вкушалъ и чувствовалъ всеобщую немощь въ своемъ шѣлѣ.

5 Ноября пріѣхалъ Государь въ Таганрогъ. Князь Волконскій спросилъ о здравіи Его Величества „*изрядно*“ ошвѣчалъ Императоръ: „*однако и я въ Крыму схватилъ небольшую лихорадку. Я теперь увѣрился,*“ продолжалъ Онъ, „*что, не смотря на столь хваленой „климатъ, мы весьма благоразумно сдѣ„лали, избравъ жить моей Таганрогъ „для жительства. Въ Бакчисараѣ по„чувствовалъ я первую лихорадку; спро„силъ пить, и Федоровъ подалъ мнѣ „барбарису. Я выпилъ полный ста„канъ и тотчасъ почувствовалъ ознобъ. „Послѣ сильно послабило меня. Этимъ, „казалось, все кончилось; но въ Переко„пи, при осматриваніи госпиталей, мс-*

„ня бросило въ ознобъ и лихорадка „била меня сильнье прежняго.“— Князь Волконскій умолялъ Государя беречь свое драгоцѣнное здравіе, совѣтовалъ лѣчишься, представляя, что уже трудно выносишь въ Его лѣта то, что выносилъ Онъ, будучи въ 20 лѣтъ.

Его Величество пришелъ къ Императрицѣ и сидѣлъ у Нея вечеръ. Ночь провелъ Онъ хорошо, не чувствуя лихорадки; но поутру 6 Ноября глаза Его были мутны. Онъ слышалъ хуже обыкновеннаго, былъ примѣтно блѣденъ и желтъ, и принужденнымъ нашелся оставишь занятія свои съ Княземъ Волконскимъ. Въ 3 часа обѣдалъ съ Августѣйшею Супругою. Въ это время бросило Его въ сильную испарину. Камердинеръ извѣстилъ о семъ Князя Волконскаго, который не медля явился къ Его Величеству съ Докторомъ Виллié.— Они застали Государя въ Его кабинетѣ, сидящаго на диванѣ въ серпукѣ, ноги Его были окутаны въ фланелевое одѣяло. По увѣщанію Доктора принялъ онъ 8 пилюль. Въ семь часовъ вечера почувствовалъ облегченіе и благодарилъ Г. Виллié; попросилъ къ себѣ Императрицу, ко-

шорая и просидѣла у Него до 10 часовъ вечера (*). —

7 числа Государь почивалъ хорошо; поутру принялъ микстуру, которая Ему нѣсколько помогла.

8 числа провелъ Онъ ночь весьма безпокойно и въ лихорадкѣ; не слушалъ обѣдни, опасаясь новаго приступа болѣзни. По окончаніи Божественной службы, Виллié пришелъ къ Государю и нашелъ Его опять въ лихорадкѣ. Императоръ, увидя груду дѣловыхъ бумагъ, лежащихъ передъ Нимъ на столѣ, ужаснулся; но Князь Волконскій упросилъ Его Величество не занимашься ими до совершеннаго выздоровленія. — Государь пригласилъ къ себѣ Императрицу; Она просидѣла у Больнаго до 10 часовъ вечера.

9 числа ночь провелъ Государь изрядно; Онъ позволилъ Князю Волконскому извѣстишь Августѣйшую Его Матерь, Императрицу МАРІЮ ѲЕОДОРОВНУ, о болѣзненномъ Его положеніи.

(*) Въ сей день Его Величество соизволилъ отдать послѣдній пароль: *Таганрогъ*, и препоручилъ Генералъ-Адъютанту Барону Дибичу отдавать пароль на будущее время.

10 числа Государь, хотя и хорошо ночивалъ всю ночь, но утромъ чувствовалъ себя гораздо хуже. Около одиннадцатаго часа по полуночи, желая встать съ постели, палъ онъ въ сильный обморокъ. Весь день лежалъ въ большомъ жару, а вечеромъ была у Него сильная испарина; Больной не говорилъ почти ничего, и былъ въ совершенномъ разслабленіи.

11 числа Государь спалъ всю ночь; утромъ просилъ къ себѣ Государыню. Она просидѣла у Него до обѣда. Больной, желая подняться съ постели, палъ опять въ обморокъ; къ ночи жаръ оставилъ Его, но къ утру усилился; сонъ былъ коротокой и безпокойной. — (*)

12го утромъ Государь велѣлъ себѣ сдѣлать оранжадъ и пилъ оный со вкусомъ. Государыня провела съ Нимъ цѣлой день. Къ вечеру было Ему легче.

13 числа почивалъ Государь хорошо, принялъ лѣкарства и жаръ прошелъ; но

(*) Въ сей день Государь позволилъ Генералу Дибичу извѣстить Его Высочество Цесаревича Великаго Князя Константина Павловича о своемъ положеніи. Государь вообще продолжалъ отдавать всѣ приказанія до сего числа Генералу Дибичу.

къ вечеру удвоился и продолжался во всю слѣдующую ночь. Во весь день Больной не говорилъ; часто пилъ лимонадъ, а когда оный Ему наскучилъ, то пилъ онъ пашпокъ изъ вишневаго сока.

14 числа утромъ было Государю опять легче, жаръ уменьшился. Онъ спросилъ брится и самъ выбрился; вскорѣ послѣ того почувствовалъ сильную лихорадку; Ему предложили поставить піявки: Онъ не хотѣлъ о нихъ и слышать. Опасаясь раздражить его и безъ сего ужъ слишкомъ разслабленные нервы, и тѣмъ разстроить Его еще болѣе, о нихъ уже не упоминали.

Вилліе объяснилъ Князю Волконскому, что Государь въ большой опасности. Князь, видя упорство Государя въ приставленіи піявокъ и отвращеніи отъ лѣкарствъ и увеличивающуюся опасность, предложилъ Вилліе въ присутствіи Императрицы исполненіе долга Христіанскаго пріобщеніемъ Св. Таинствъ, приказавъ Священнику на исповѣди убѣждать Государя къ употребленію лѣкарствъ и піявицъ. Несчастная Императрица, пораженная симъ предложеніемъ, нашла въ чувствительномъ сердцѣ своемъ довольно силы, и рѣшилась сама говорить Супругу

о сей необходимости прибѣгнуть къ помощи Святыя Вѣры. — „*Развѣ Я такъ боленъ?*“ промолвилъ Государь. — „*Нѣтъ, другъ мой,*“ возразила Императрица: *но Вы отказались отъ всѣхъ средствъ земныхъ, испытайте небесное.*“ — „*Очень охотно,* отвѣчалъ Больной. „*И такъ Я очень слабъ,*“ спросилъ Онъ вошедшаго Вилліе. Точно такъ, Ваше Величество, сказалъ Докторъ, заливаясь слезами: „Вы отринули мою по„мощь; теперь, не какъ врачь, но какъ „Христіанинъ, почитаю долгомъ объявить „Вамъ, что нельзя терять времени.“ — Государь подалъ ему руку и долго жалъ ее. — Вилліе нашелъ, что испарина у Больнаго болѣе и болѣе умножалась; Государь былъ молчаливъ и задумчивъ; — спросили у Вилліе, можноли начать исповѣдь, или отложить до слѣдующаго дня? Вилліе подтвердилъ возможность. — Въ 11 часу вечера просилъ Государь Императрицу успокоиться.

15 числа, жаръ Больнаго весьма былъ силенъ; отъ четвертаго до шестаго часа утра состояніе Его сдѣлалось хуже и хуже. Объ этомъ доложили Государынѣ, которая тотчасъ пришла. Явился Священникъ. „*Мнѣ должно быть*

одному,“ сказалъ Государь Супругѣ своей. Послѣ исповѣди, Онъ просилъ Ее къ себѣ и причастился Святыхъ Христовыхъ Таинъ.

Императрица и отецъ духовный просили Его Величество, чтобы Онъ позволилъ приставить себѣ піявки. — Онъ обѣщалъ и обратясь къ Ея Величеству сказалъ: „*Я никогда не былъ въ такомъ утѣшительномъ положеніи, въ какомъ нахожусь теперь; благодарю Васъ сердечно.*“ — Между тѣмъ жаръ не уменьшался; приставили Ему къ затылку 30 піявокъ, которыя такъ худо принимались, что два часа ихъ припускали. Съ сего времени Императоръ дозволилъ дѣлать врачамъ все и принималъ ихъ лѣкарства.

16 числа, ночь была самая безпокойная. Государь былъ въ забытіи. — Во второмъ часу опомнился, спросилъ лимонаду, принялъ его ложечку, и весь день чувствовалъ себя весьма дурно. — Поставили синапизмы (горчицу); но жаръ всё не уменьшался. Государь лежалъ безъ языка.

17 числа въ ночь Больной былъ въ весьма опасномъ положеніи, все въ забытіи и въ ужасномъ жару. Приложили

на спину мушки и въ 10 часовъ утра Онъ пришелъ въ себя, узналъ предстоящихъ, спросилъ пить; но Князь Волконскій замѣтилъ, что страждущій не имѣлъ болѣе силы открыть уста. — Всю ночь былъ Онъ опять въ великой опасности.

18 числа, утромъ было Ему нѣсколько полегче и это продолжалось до вечера. Тогда жаръ снова усилился, опасность была немину́ема, жаръ болѣе и болѣе умножался. Императоръ открылъ глаза и взоромъ искалъ Императрицу; взялъ Ея руку, поцѣловалъ и прижалъ къ груди Своей. Князь Волконскій подошелъ къ Нему: Больной улыбнулся благосклонно, и когда Князь поцѣловалъ Его руку, Онъ показалъ видъ дружескаго упрека (добрый Монархъ никогда не любилъ этаго обыкновенія); не смотря на страданіе, спокойствіе царствовало на челѣ и благополучіе души праведной блистало въ чертахъ Благословеннаго. — Въ 11 часовъ и 40 минутъ вечера не было болѣе надежды; безпамятство продолжалось.

19 числа, утромъ въ 10 часовъ и 50 минутъ Государя не стало! — Государыня закрыла Ему глаза, подвязала платкомъ подбородокъ, и пошла въ свои покои.

Въ послѣднія минуты Государь дышалъ скоро и тяжело, такъ что это было слышно въ ближней комнатѣ. Онъ кончилъ славную и прекрасную жизнь въ своемъ кабинетѣ, на диванѣ, головою къ камину. При послѣднемъ вздохѣ принялъ Онъ видъ свойственной Его ангельской улыбкѣ. — Его умастили міромъ, когда Государыня оставила на минуту одръ Умирающаго.

Точно, есть вѣра, есть возвышенная вѣра, не въ одномъ наружномъ блескѣ обрядовъ, не въ словахъ пышныхъ состоящая, но глубоко и свято въ сердцѣ заключенная; вѣра, которая, сопутствуя смертному въ буряхъ жизни, торжествуетъ при тихомъ одрѣ въ священную минуту, когда бренный вступаетъ въ вѣчность. — Тогда является она Ангеломъ-утѣшителемъ, помогаетъ страждущему переносить боренія жизни, и даетъ осиротѣвшимъ силы сносить со всею преданностію къ судьбамъ Всевышняго потерю того, что было драгоцѣннѣе сердцу. — Пусть невѣрующіе предстанутъ предъ одромъ Великаго и добродѣтельнаго Монарха, пусть взглянутъ, съ ка-

кою покорностію къ волѣ небесъ переносятъ оставленные дѣти потерю Отца, потерю первѣйшаго для всей Россіи блага!

Тѣло Императора оставалось 9 дней въ Его бывшемъ кабинетѣ. Тамъ бальзамировали оное на третій день послѣ кончины. Императрицу уговорили переѣхать въ частный домъ. Бальзамированіе, кажется, не такъ удалось, какъ бы сего можно было ожидать, ибо для предохраненія тѣла отъ порчи, надлежало ставить ледъ подъ низъ гроба. Лице отъ спирту, которымъ напаяли они его, весьма измѣнилось. —

При вскрытіи тѣла найдено въ головѣ, на томъ мѣстѣ, на которое Больной, чувствуя страданія, обыкновенно клалъ руку, наросшую перепонку и немного воды; печенка была повреждена и хрящъ грудной окостенѣлъ.

Чтобъ дать читателямъ нѣкоторое понятіе о происходившемъ въ сіе время въ Таганрогѣ, также показать и духъ народа, и приверженность его къ возлюбленному Монарху, прилагаются здѣсь нѣкоторыя письма, писанныя изъ Таганрога въ это несчастное время.

Письмо 1.

Ахъ, милый братецъ и машутка, милая сестрица! Я не знаю съ чего начать о нашемъ всеобщемъ несчастіи. Вы уже знаете, что отецъ нашъ, Государь Императоръ изволилъ возвратиться изъ злощастнаго Крыма, зараженный лихорадкою, которая превратилась въ гнилую и желтую горячку, о чемъ до 15 числа мы ничего не знали; но какъ я вамъ уже писала, что мы узнали о томъ случайно, то нельзя было сего скрыть и отъ всего города. Въ ту же минуту весь народъ бросился по церквамъ, просить Бога со слезами о спасеніи нашего Царя. И, кажется, наши грѣшныя молитвы были услышаны: во время самой обѣдни, нашъ отецъ, который уже цѣлыя сутки былъ безъ языка и томился на рукахъ Императрицы, пришелъ въ себя, открылъ глаза, взялъ руку Государынин и сказалъ Ей: „*Вы очень устали*;“ потомъ приказалъ себя посадить и пять минутъ сидѣлъ, велѣлъ сварить супъ перловый, взглянулъ въ окно и сказалъ: „*какой прекрасный день!*“ Легъ и до осьми часовъ вечера Ему было очень хорошо, кушалъ супъ. — Безмѣрная ра-

дость разливалась по всему городу, находя Его уже вне опасности. Ноября 18, представьте нашь ужасъ, поутру прислалъ Князь Волконскій къ моему зятю просить, чтобы онъ приготовилъ свой домъ на случай всеобщаго несчастія для Императрицы, которую онъ располагалъ перевести къ намъ. Но Богъ милосердъ; Онъ воскрешалъ мертвыхъ, а нашъ отецъ еще существуетъ; мы надѣялись, что онъ спасенъ будетъ всеобщими слезами и молитвами, которыя продолжаются здѣсь и день и ночь. — Сію минуту пріѣхала моя тетушка изъ дворца сказать намъ, что, слава Всевышнему, Государю сдѣлалось лучше и сей часъ взяли здѣшняго Штабъ-лѣкаря Александровича, о которомъ предложилъ мой зять; ибо онъ въ моемъ дому пользуетъ 20 лѣтъ и особенно горячки чудесно лѣчитъ.

Государь не хотѣлъ принимать никакихъ лѣкарствъ. Ахъ, за чѣмъ не предчувствовали мы Его положенія; весь бы городъ бросился къ Его окошкамъ; мы умолили бы Его лѣчиться; Онъ бы вѣрно согласился; теперь только вся надежда и упованіе на Бога, который укрѣпляетъ Машу нашу Императрицу; Она

не отходитъ отъ кровати обожаемаго Супруга; Они плачутъ взаимнымъ попеченіемъ одинъ о другомъ. Когда Государь сюда изволилъ пріѣхать, то первыя Его заботы были устроить дворецъ, какъ можно покойнѣе для Императрицы; Онъ не оставилъ ни одного уголка безъ собственнаго своего обозрѣнія, чтобы нигдѣ не дуло и чтобы всѣ выгоды были соблюдены для Ея спокойствія. Наконецъ, по прибытіи Ея сюда, Онъ былъ съ Нею неразлученъ. День начинался тѣмъ: Она встанетъ, Ему доложатъ; спроситъ чаю, Ему доложатъ; изволитъ ѣхать гулять, Ему докладываютъ; возвратится, также, и это было, какъ заведенныя часы; Онъ наблюдалъ всѣ Ея движенія, и симъ попеченіемъ и нѣжною заботливостію укрѣплялось Ея здоровье со дня на день. Но мы боимся, чтобы Она опять себя не разстроила. Вотъ чѣмъ мы платимъ за Крымской воякъ, противъ котораго былъ весь Дворъ.

Въ Крыму предложили Ему купить имѣніе Графа Кушелева-Безбородко; тамъ Его утѣшали; освѣжили плотками ущелья горъ, что было очаровательно; пили Его здоровье, и Онъ болѣе получаса стоялъ безъ шляпы, въ самый жесто-

кій вѣшеръ. — На другой день Онъ проѣхалъ болѣе 40 верстъ верьхомъ; день былъ жаркой, вѣшеръ ужасной, а ночь прохладная, вотъ причины Его болѣзни. . . .

Сей часъ пришли сказать, что въ полночь въ 12 часовъ сдѣлалось опять очень худо! Онъ очень страдаетъ! — Боже милосердый, подкрѣпи Царицу! А я теряю силы. —

19 числа въ 10 часовъ 50 минутъ — Нѣтъ у насъ болѣе нашего Отца, и мы, несчастные, должны Вамъ сообщить нашу сердечную горесть. . . . . .

Письмо 2.

Любезный сынъ мой,

Я не могу еще опомниться отъ несчастнѣйшаго происшествія, въ глазахъ моихъ случившагося, и теперь еще не могу вѣрить себѣ, что Императоръ нашъ, благодѣтель мой, наилучшій изъ Монарховъ, цвѣтущій здравіемъ, прекраснѣйшій изъ мущинъ, умеръ въ цвѣтѣ лѣтъ своихъ! — Я не плачу, а рыдаю, что пережилъ Его. —

Въ началѣ болѣзнь Государя казалась незначущею. Пріѣхавъ изъ Крыма въ Таганрогъ, 5 числа, онъ былъ довольно ве-

сель; на другой день, какъ обыкновенно, одѣлся въ мундирный сертукъ, только уже не выходилъ со двора, какъ то прежде дѣлалось; уже чувствовалъ себя не совсѣмъ хорошо; обѣдалъ съ Императрицею, покушалъ мало и, не докончивъ обѣда, вышелъ въ свою комнашу. — 7-го сдѣлался Ему обморокъ, Онъ легъ въ постѣлю; Виллiе далъ Ему лѣкарство, 8-го не было лучше; пересталъ принимашь лѣкарство; оказалась сильная горячка.

14 числа всѣ испугались опчаяннаго положенiя. — Позвали священника, который у меня и ночевалъ: мы провели ночь возлѣ Его комнашы. — 15-го, въ 6 часовъ ушра привели въ Нему священника, доложили о немъ; Его Величество открылъ глаза, приподнялся на локопь; всѣ вышли; Онъ исповѣдался. — Когда же всѣ возвращились, Онъ съ величайшимъ благоговѣнiемъ пріобщился Святыхъ Христовыхъ Таинъ, поцѣловалъ Крестъ и руку служителя Божiя, и прерывающимся, но выразительнымъ голосомъ, произнесъ Божественныя слова сiи: *„Я никоеда не былъ въ такомъ утѣшительномъ положенiи, въ какомъ нахожусь теперь.“* — Тушъ почтенный старецъ, бросясь у кроваши на колѣна, убѣдительно умолялъ Его

Величество, для блага народа своего, принять отъ врачей пособіе. Онъ обѣщалъ и позволилъ имъ дѣлать надъ собою, что хотятъ; они истощили знанія свои, но не спасли Его. — Въ четвергъ, 19 Ноября, скончался въ 50 минутъ одиннадцатаго часа утромъ. — Я видѣлъ послѣдній взоръ Его, поразившій насъ громовою стрѣлою. Картина ужасная! Всѣ мы на колѣнахъ у кровати рыдали и кровавыя проливали слезы.

Императрицу отвели въ Ея покои, а я съ камердинеромъ обмыли драгоцѣнное тѣло, надѣли чистое бѣлье, шлафрокъ, положили на дорожной Его кровати, засвѣтили около его четыре свѣчи, въ головахъ образъ Спасителя и въ ногахъ налой и Евангеліе, позвали Духовенство и пѣніе: „*Упокой Господи „душу усопшаго раба твоего, благоче-„стивѣйшаго* Государя Императора „АЛЕКСАНДРА I^го *всея Россіи,*“ потрясало сердца предстоящихъ.

Императрицу на третій день перевезли въ другой домъ. — Анатомики бальзамировали тѣло Государя, нашли въ головѣ полстакана воды, что и было, по словамъ лѣкарей, причиною преждевременной кончины его. Съ разтерзаннымъ сердцемъ за-

нимаемся шенерь печальнѣйшею должностію: въ залѣ дѣлаютъ проѣздъ, обиваютъ покои шрауромъ; но во всемъ чрезвычайное затрудненіе: нѣтъ сукна, бархату, глазету, галуновъ, короны: вездѣ разосланы курьеры собирать все нужное для печальнаго обряда. — Вотъ будетъ сцена въ продолженіи пути и когда пріѣдемъ въ Петербургъ: на всякомъ шагу плачь и рыданія! Я давно уже вижу тебя въ слезахъ, другъ мой; плачь: Онъ достоинъ сердечной жертвы нашей. — Вѣсть эта сразитъ Достойнѣйшую Родительницу Его, Братцевъ и Сестрицъ. Нѣтъ въ цѣломъ свѣтѣ семейства, столь связаннаго любовію, дружбою и взаимнымъ уваженіемъ. Д. . . . Б. . . .

Письмо 3.

Любезный братецъ,

Ѳедоръ Гавриловичъ!

Я ничего не могу сказать къ утѣшенію Вашему, здѣсь одни слезы и вздохи о потерѣ нашего Отца Государя. Императрицу до сихъ поръ милосердый Богъ укрѣпляетъ; Ее просили переѣхать къ намъ въ домъ, на что Она не хотѣла согласиться и сказала Князю Волкон-

скому: „*Я увѣрена, что Вы раздѣляе-*
„*те мое несчастіе, не ужели Вы ду-*
„*маете, что одна корона привязывала*
„*меня къ моему мужу? Прошу Васъ*
„*не разлучать меня съ нимъ до тѣхъ*
„*поръ, пока есть возможность.*“ Послѣ
сего никто не смѣлъ Ее проспть, и Она
оставалась цѣлый день одна въ своихъ
комнатахъ и безъ свидѣтелей ходила без-
престанно къ тѣлу. Когда скончался
Императоръ, Она сама подвязала Ему
платкомъ подбородокъ, закрыла глаза, пе-
рекрестила, поцѣловала, заплакала, по-
томъ встала, взглянула на образъ и ска-
завъ: „*Господи прости мое соерѣшеніе:*
Тебѣ угодно было лишить Его меня,“
пошла въ свои комнаты, гдѣ дала полную
свободу слезамъ. На другой день Князь
Волконскій просилъ Ея Величество пе-
реѣхать къ намъ въ домъ, хотя на нѣ-
сколько дней; на что Она согласилась и
уже седьмой день у насъ, но изволитъ ѣз-
дить всякой день къ тѣлу и совершенно не-
утѣшна. Подкрѣпи Ее милосердый Боже!

Первое и третіе письма писаны дамою, жительницею Таганрога; второе и чет-
вертое однимъ изъ приближенныхъ служи-
телей въ Бозѣ почивающаго Государя.

Письмо 4.

Все-Августѣйшій нашъ Монархъ АЛЕКСАНДРЪ ПАВЛОВИЧЬ 19 числа сего мѣсяца, въ 10 часовъ 50 минутъ, волею Божіею скончался. Вошъ несчастіе, которое навѣки посшигло Таганрогъ. Жишели здѣшніе въ горесшнѣйшемъ положеніи. — Великій нашъ Государь вѣрно предчувсшвовалъ кончину свою. Опишу знаменіе Божіе и предсказанія самаго Императора. Всякій разъ наканунѣ Его опбышія изъ Санкшпешербурга Онъ, по обыкновенію, всегда изволилъ быть въ Казанскомъ Соборѣ, для служенія молебна. Напрошивъ шого, въ ныпѣшнее пушешесшвіе Ему угодно было пріѣхашь прямо въ Александро-Невскую Лавру, ошкуда изволилъ выйши съ заплаканными глазами. Пошомъ всю слѣдующую ночь изволилъ занимашься дѣломъ, и не смыкая глазъ, Онъ выѣхалъ изъ Пешербурга весьма рано; солнце едва показывалось на горизошнѣ.— Проѣхавъ засшаву, Государь приказалъ осшановишься экипажамъ, поднялся въ колясклѣ на ноги, и съ чешвершь часа изволилъ смошрѣшь на сполицу свою, во всѣ сшороны, и какъ будшо сердце предвѣщало, въ послѣдній разъ! . . . .

Здѣсь же перваго Сентября видима была комета, темные лучи которой простирались вверхъ на большое разстояніе; потомъ замѣтили, что она лучи простирала къ Западу.

Наканунѣ отъѣзда въ Крымъ, Его Величество изволилъ писать собственноручное письмо къ Родительницѣ своей. Это было по полудни, въ 4 часу. Вдругъ нашла туча и сдѣлалось темно. Государь приказалъ подать свѣчи, между тѣмъ небо прояснилось; камердинеръ осмѣлился доложить: „не прикажите ли Ваше Величество принять свѣчи?“ Государь спросилъ *„для чегожъ?“* Для того, отвѣчалъ камердинеръ, что на Руси со свѣчами днемъ писать нехорошо! *„Да развѣ въ этомъ что нибудь за-„ключается?* прервалъ Государь: *„ска-„жи правду; вѣрно ты думаешь, что, „увидѣвъ съ улицы свѣчи, подумаютъ „что здѣсь покойникъ?* —“ Точно такъ, Государь, по замѣчанію Русскихъ. *„Ну, „естьли такъ,“* сказалъ Императоръ, *„то возьми свѣчи.“* Такимъ образомъ это замѣчаніе и было оставлено безъ вниманія. — На другой день, то есть 20 Октября, изволилъ Государь выѣхать въ Крымъ. — Тамъ жестоко простудил-

ся, что весьма долго скрывалъ, и на возвратномъ пути, за 250 верстъ отъ Таганрога, въ городѣ Орѣховѣ, докторъ Виллié, замѣтивъ болѣзнь Его, предлагалъ Ему принять лѣкарство; но Государю ничего неугодно было принимать изъ *Латинской кухни;* такъ называлъ Онъ походную аптеку.

Пріѣхавъ въ Таганрогъ 5 числа, болѣзнь Его усилилась. Въ первый вечеръ, когда подали Ему свѣчи, Государь припомнилъ разговоръ свой съ камердинеромъ, и сказалъ ему: „*Анисимовъ, Я очень нездоровъ!*“ Камердинеръ отвѣчалъ: надо пользоваться Государь.— „*Пить брать,*“ отвѣчалъ Онъ: „*свѣчи, которыя прика-*
„*залъ я убрать со стола, у меня изъ*
„*головы не выходятъ; это значитъ,*
„*мнѣ умереть, и опъ-то будутъ сто-*
„*ять передо мною.*“ Камердинеръ возразилъ: „что Вы изволите говорить? Избави насъ Богъ отъ такого несчастія!“ Этимъ разговоръ и кончился. —

Болѣзнь болѣе и болѣе усиливалась, а лѣкарствъ Его Величество не принималъ. 15 числа пріобщился Онъ Святыхъ Тайнъ. Смиреніе, кротость, усердіе и твердость христіанская были совершенно необыкновенны. „*Прошу садиться,*“

сказалъ Онъ отцу своему духовному, передъ исповѣдью: *„поступайте со мною какъ съ Христіаниномъ, забудьте мое* Величество!“

Съ 16 числа до самой кончины, Онъ не могъ болѣе говорить. — Начальная болѣзнь Его была обморокъ и сонъ, а потомъ ужасный жаръ во всемъ тѣлѣ.

За часъ, или менѣе, передъ кончиною, Государь увидѣлъ Императрицу, Князя Волконскаго, Генерала Дибича, открылъ глаза; имѣя еще память, но не могши говорить, сдѣлалъ движеніе рукою, звалъ Государыню, поцѣловалъ Ея руку и прижалъ потомъ къ своему сердцу; другимъ поклонился и вскорѣ, въ безмолвной тишинѣ скончался.

Д. . . . . Б. . . . .

ВЫПИСКА

ИЗЪ ПИСЬМА ИЗЪ ТАГАНРОГА

отъ 12 Ноября 1825.

. . . . . Къ общему изумленію вчерашній день вдругъ распространился слухъ по городу, что Государь находится въ

опасности. Всѣ жители поспѣшили въ Храмы Божіи испрашивать у Господа силъ здравія Августѣйшему Больному. При семъ случаѣ, одинъ изъ Калмыцкихъ Князей, коихъ почитали мы за полудикихъ, показалъ умилительный примѣръ преданности чувствъ, достойный самаго образованнаго человѣка. Эшошъ Князь, человѣкъ лѣтъ тридцати, прикочевалъ, мѣсяцъ тому назадъ, въ нѣсколькихъ кибиткахъ къ Таганрогу, дабы поклониться Императору АЛЕКСАНДРУ ПАВЛОВИЧУ, и имѣлъ счастіе быть представленнымъ Его Величеству и Государынѣ Императрицѣ ЕЛИСАВЕТѢ АЛЕКСѢЕВНѢ. Когда пронесшійся слухъ о болѣзни Государя дошелъ до Калмыковъ, то Князь посылаетъ своего переводчика къ мѣстному начальству и священнику узнать, можетъ ли онъ просить, чтобъ въ Руской Церкви отслужили молебствіе за здравіе Императора. Ему отвѣчали, что Христіанская церковь не отвергаетъ подобныхъ просьбъ, а потому вчера, въ 10 часовъ утра, пріѣзжаетъ онъ съ своею свитою, состоявшею изъ 10 человѣкъ, къ Собору: сходятъ съ лошадей и передъ Церковью открываютъ головы. Видя чистое усердіе Нагайскаго

Князя, Священникъ исполнилъ его просьбу и отправилъ по его желанію молебенъ за здравіе Благочестивѣйшаго Государя. При семъ случаѣ Калмыки показали такую глубокую покорность къ Богу Всевышнему и такое благоговѣйное уваженіе къ молитвамъ Христіанъ, что это извлекло слезы у всѣхъ тутъ случившихся. — Послѣ молебна Князь роздалъ много милостыни и послалъ нѣсколько денегъ заключеннымъ въ острогѣ, примолвя, „чтобъ они молились о здравіи Императора.“

ШЕСТВІЕ ПЕЧАЛЬНОЙ ПРОЦЕССІИ.

По Высочайшей волѣ Государыни Императрицы ЕЛИСАВЕТЫ АЛЕКСѢЕВНЫ, шѣло въ Бозѣ почившаго Ея Супруга сопровождалось въ Санктпетербургъ Генералъ-Адъютантомъ Графомъ Орловымъ-Денисовымъ и многими Флигель-Адъютантами, прибывшими для сего изъ Столицы.

29 Декабря двинулось печальное шествіе, сопровождаемое рыдающими жителями Таганрога и конвоированное многочисленнымъ военнымъ эскортомъ. Въ про-

долженiи всего пути народъ стекался по дорогамъ и жаждалъ везти на себѣ печальную колесницу. Ни вьюги, ни морозы не измѣняли порядка шествiя во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ останавливалась колесница для ночлега. Усердiемъ жителей сооружались великолѣпные катафалки. На границахъ Губерній Екатеринославской, Слободско-Украинской, Курской, Орловской, Тульской, Московской, Тверской, Новогородской и С. Петербургской выходили на встрѣчу и сопровождали всѣ власти духовныя и сословiя всѣхъ гражданъ.

3 Февраля, тѣло Императора прибыло въ Москву, на пріуготовленной для сего нарочно парадной колесницѣ, съ церемоніею, по разпоряженiямъ Печальной Коммиссіи, бывшей подъ начальствомъ Князя Николая Борисовича Юсупова. Древняя столица облеклась въ трауръ. Кто знаетъ Рускихъ, тотъ можетъ судить о горести народа, предавшаго Монарху. Всѣ сословія гражданъ сопутствовали печальному шествію.

26 Февраля, тѣло блаженныя памяти АЛЕКСАНДРА I^го было уже въ Тоснѣ. Тамъ встрѣтила Его Августѣйшая Матерь Императрица МАРІЯ ѲЕОДО-

РОВНА. Кто опишетъ горесть матери. Она лишилась сына, и какого сына!

27-го Ихъ Величества Государь Императоръ НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧЪ и Государыня Императрица АЛЕКСАНДРА ѲЕОДОРОВНА, Ихъ Высочества Великій Князь МИХАИЛЪ ПАВЛОВИЧЪ и Великая Княгиня ЕЛЕНА ПАВЛОВНА, прибыли въ Царское Село.

28-го. Въ три часа по полудни Дворъ и жители Царскосельскіе устремились въ срѣтеніе праху Незабвеннаго ихъ благодѣтеля. — Гробъ внесенъ въ Придворную церковь Флигель-Адъютантами покойнаго Государя.

5 Марта. Тѣло въ Бозѣ Усопшаго перевезено изъ Царскаго Села въ Чесму. Въ Чесменской дворцовой Церкви оно переложено было въ другой гробъ. —

6 Марта двинулось шествіе изъ Чесмы по церемоніалу и распоряженіямъ Печальной Коммиссіи, подъ начальствомъ Князя Алексѣя Борисовича Куракина; въ одиннадцать часовъ утра вступило оно въ С. Петербургъ. — Печальная процессія была учреждена по обыкновенному порядку, принятому въ подобныхъ случаяхъ. — Государь Императоръ, Ве-

ликій Князь МИХАИЛЪ ПАВЛОВИЧЬ, Принцы Оранскій и Прусскій, Герцогъ Виртембергскій съ сыновьями, Принцъ Евгеній, Герцогъ Веллингтонъ и Ассистенты Императора шествовали за гробомъ. Непосредственно за симъ изволили ѣхать въ каретѣ Ихъ Императорскія Величества Государыни Императрицы АЛЕКСАНДРА ѲЕОДОРОВНА и МАРІЯ ѲЕОДОРОВНА, съ Его Высочествомъ Наслѣдникомъ Престола и Принцессою Маріею Виртембергскою. Въ половинѣ втораго часа великолѣпная колесница прибыла къ Собору Казанской Божіей Матери и гробъ былъ поставленъ на величественный катафалкъ. Во все время пребыванія тѣла АЛЕКСАНДРА I^го^ въ Соборѣ Казанскомъ допускали ко гробу людей всякаго званія. —

13 Марта совершилось погребеніе въ С. Петербургскомъ Петро-Павловскомъ Соборѣ.

Изъ всѣхъ присутствовавшихъ не было ни одного, не проливающаго горячихъ слезъ. Двойная горесть поражала сердца предстоящихъ: горесть несравненной потери, и горесть несчастіемъ пораженнаго Императорскаго Дома. И кто бы не

пропулся при умильномъ зрѣлищѣ послѣдняго прощанія Императорской Фамиліи съ безцѣнными останками? —

Тѣло Императора АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВИЧА погребено по правую сторону отъ Олтаря, близъ Царскихъ врать, противъ сѣверныхъ дверей въ одномъ ряду съ могилою блаженнаго Родителя Его, Императора ПАВЛА ПЕТРОВИЧА.

Считаю излишнимъ описывать подробности церемоніала, напечатаннаго во всѣхъ почти вѣдомостяхъ; но поставляю долгомъ упомянуть о рѣдкомъ усердіи и привязанности къ покойному Монарху служителей Его, въ особенности любимаго Его кучера, Ильи Байкова, который, бывъ хранителемъ спокойствія Императора во время поѣздокъ Его Величества болѣе 20 лѣтъ, не хотѣлъ уступить никому счастія везти и бренные Его останки. Онъ не оставлялъ колесницы въ продолженіи всего пути. —

Трогательное зрѣлище рыдающаго народа, встрѣчавшаго по дорогамъ тѣло покойнаго Государя, всеобщее усердіе и ревность, суть новыя доказательства преданности и любви Русскихъ къ своимъ Монархамъ! —

КРАТКОЕ ОПИСАНІЕ ГОРОДА ТАГАНРОГА.

Петру Великому обязанъ Таганрогъ первоначальнымъ своимъ существованіемъ. Сей Государь, объѣзжая тѣ страны, нашелъ на пустомъ мысѣ, далеко вдавшемся въ Азовское море, каменную башню, служившую нѣкогда маякомъ для судовъ, ходившихъ по сему морю. Желая возобновить торговлю Россіянъ съ Востокомъ, Онъ основалъ на семъ мѣстѣ городъ, и назвалъ его Троицкимъ. По Его велѣнію уже построена была порядочная крѣпость и прочная гавань, какъ, по договору при Прутѣ, должно было разрушить все начатое.

Екатерина II обратила вниманіе на Таганрогъ. Въ силу Кайнарджинскаго мира, пріобрѣла Она право свободнаго плаванія по Черному Морю и присоединила Ениколь и Керчь. Она поручила Генералъ-Инженеру де Волану привесть заброшенный портъ въ надлежащее положеніе. Военныя обстоятельства воспрепятствовали исполненію сего полезнаго предпріятія, и гавань осталась въ прежнемъ видѣ и неудобствѣ. — Корабли должны перегружать товары свои на перевозныя лод-

ки; но и лодки сіи, за мѣлководіемъ, останавливаются на 200 и болѣе саженъ отъ береговъ, а товары перевозятся въ нарочно для сего устроенныхъ телегахъ, кои всегда выше аршина тянутся въ водѣ. Сильные вѣтры иногда угоняютъ море на нѣсколько верстъ и препятствуютъ даже перевознымъ лодкамъ приближаться съ грузами; иногда, напротивъ, сильное волненіе заставляетъ обозы ждать у береговъ удобной для перевозки товаровъ погоды. Не смотря на все сіе, самое мѣстоположеніе Таганрога дѣлаетъ его торговымъ городомъ. Рѣки Волга и Донъ сосредоточиваютъ въ семъ городѣ часть торговли Россіи. Лѣсъ, хлѣбъ, масло, икра, юфть, сало, медъ, деготь, доставляются сими рѣками въ Таганрогъ. Къ тому же цвѣтущія нивы и пажити его богатыхъ окрестностей продовольствуютъ съ избыткомъ жителей всякою живностію. Пшеница Таганрогская почитается лучшею, и съ выгодою отпускается за границу.

Торговля Таганрога значительна; одного таможеннаго дохода получается до 1,300,000 рубл. Кораблей пришедшихъ въ 1825 году въ Таганрогъ, считалось до 212 съ грузомъ на 3,000,000 руб.; отбыло 217 кораблей съ грузомъ на 4,000,000 рублей.

Въ царствованіе блаженной памяти АЛЕКСАНДРА I^го^ Таганрогъ, на ряду съ другими Россійскими городами, значительно украсился. Выстроилось нѣсколько торговыхъ богатыхъ домовъ, заведены маклерскія конторы, нужныя аршели, таможня, около оной разположено 175 каменныхъ анбаровъ, для складки товаровъ, каменныхъ лавокъ 97, деревянныхъ 21; да сверхъ сего для ярмонки, которая бываетъ здѣсь два раза: 9 Маія и 15 Августа, выстроены особливыя деревянныя лавки на ярмопочной площади. Вообще въ Таганрогѣ считаютъ 197 каменныхъ домовъ и 896 деревянныхъ; церквей 5 каменныхъ и 5 деревянныхъ. Изъ общественныхъ строеній замѣчательны: каменный домъ призрѣнія бѣдныхъ, Гимназія, Нормальная школа, (народное училище) Коммерческое собраніе, городовой садъ, Тюремной замокъ и казармы.

Карантинъ находится въ 5 верстахъ отъ города.

Жителей мужескаго пола 4,800 душъ, женскаго 3,600; въ томъ числѣ 200 купцовъ и 1,600 мѣщанъ.

ИЗЪЯСНЕНІЕ ПЛАНА.

1. Главный подъѣздъ и лѣстница.
2. Большая зала, отдѣляющая покои Государя отъ покоевъ Императрицы.
   a) Возвышеннность, на которой тѣло Его Величества было выставлено.
   b) Налой для чтенія Св. Евангелія надъ тѣломъ.
   c) Подушки, на которыхъ лежали Регаліи.
   d) Большіе подсвѣчники.
3. Кабинетъ Его Величества.
   e) Диванъ, служившій смертнымъ ложемъ Августѣйшему Больному.
   f) Каминъ.
4. Уборная.
5. Для дежурнаго камергера.
6. Прихожая.
7. Особенный подъѣздъ Его Величества.
8. Покои Ея Величества Императрицы.
9. Терраса.

10. Сѣни и коридоръ ведущій въ церковь.
11. Церковь.
12. Караульня.
13. Будки для часовыхъ.
    A) Греческая улица.
    B) Улица на гласисѣ крѣпости.
    C) Садъ.

Примѣчаніе. Мостовая на дворѣ идетъ спускомъ къ саду, который также на спускѣ, такъ что съ террасы (N°. 9.) чрезъ садъ видно море.

Подписалъ: *Осипъ Шарлеманъ*,
Архитекторъ.

8 Августа
1827 года.

У Книгопродавца Ивана Заикина, въ книжныхъ лавкахъ подъ No. 18, 19, 20, 23 и 28, поступила въ продажу вновь отпечатанная книга:

Избранныя черты и анекдоты АЛЕКСАНДРА I. Императора Всероссійскаго, Избавителя и Миротворца Европы, съ эпиграфомъ Н. М. Карамзина:

Вѣщайте, лѣтописи славы!
Какихъ вѣковъ, какой Державы
Монархъ столь блага совершилъ?
Ищу.... закройтесь: нѣтъ примѣра
Къ величію подвигнутъ былъ
Онъ вами, добродѣтель, вѣра!

Съ искусно выгравированнымъ портретомъ Его Величества съ бюста Торвальдсена, на коемъ надпись Князя П. А. Вяземскаго:

„Мужъ твердый въ бѣдствіяхъ и скромный побѣдитель,
„Какой вѣнецъ Ему, какой Ему Алтарь?
„Вселенная! пади предъ нимъ: Онъ твой спаситель!
„Россія: Имъ гордись: Онъ Сынъ твой, Онъ твой Царь!

и съ тремя картинами, рисов. Г. Вистелліусомъ, изъ коихъ первая представляетъ вступленіе Императора АЛЕКСАНДРА I въ Парижъ, къ сказаннымъ имъ словамъ во время сего незабвеннаго событія: „*Я вступаю въ ваши стѣны не врагомъ: Я принесъ вамъ миръ, миръ и торговлю! Дружба, щастіе Французовъ — вотъ Моя слава!*“ Вторая изображаетъ человѣколюбіе Монарха, происшествіе случившееся по Охтенской дорогѣ, а третья представляетъ кончину Государя Императора въ Таганрогѣ.

Здѣсь переведемъ нѣсколько словъ о сей книгѣ изъ французскаго Петербургскаго журнала: —„Тщетно благочестивый Монархъ старался умѣрить блескъ своихъ добродѣтелей, набрасывая на нѣкоторыя изъ оныхъ двойный покровъ скромности и молчанія. Въ то время, какъ онъ думалъ скрываться, изящныя

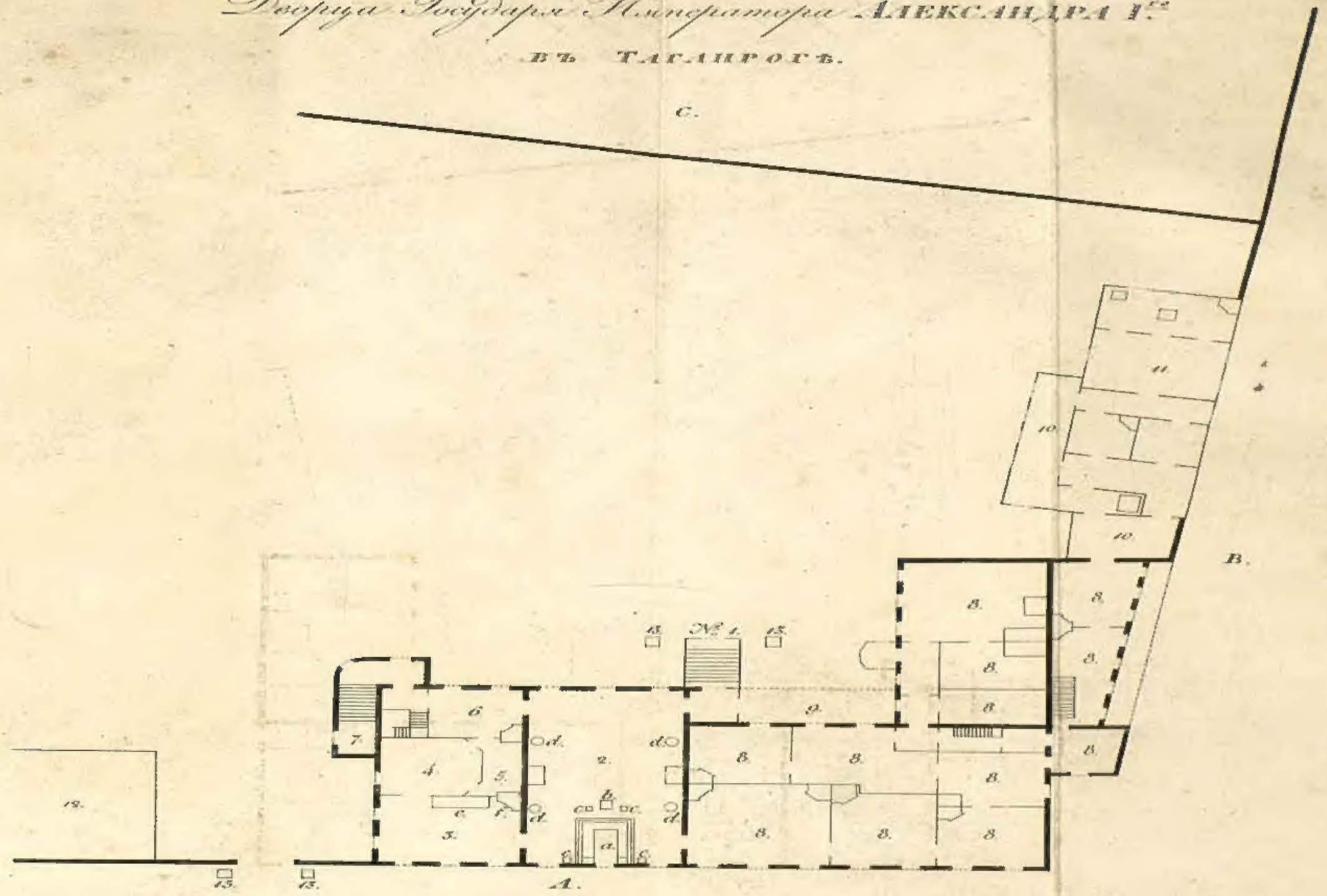
искусства, пользуясь благороднѣйшимъ правомъ своимъ, увѣковѣчивали на мѣди и на полошнѣ дѣянія, которыя благодѣяніе и человѣчество постепенно записывали въ своихъ лѣтописяхъ. Щастливыя слова, которыя безпрестанно вырывались изъ устъ Императора АЛЕКСАНДРА, ошвѣты его исполненныя пріятности, были повторяемы милліонами. Невозможно было видѣть его хотя одинъ разъ, не сохраня воспоминанія прогашельнѣйшей милости, или величайшей учтивости. Для всѣхъ тѣхъ, кои наслаждались симъ безцѣннымъ преимуществомъ, Его Величество былъ любимымъ и обыкновеннымъ предметомъ разговора; они съ гордостію повторяли слова, которыя онъ имъ говорилъ, или дѣянія коихъ были свидѣтелями. Другіе, менѣе щастливые, съ жадностію разспрашивали первыхъ, надѣясь узнать какую нибудь неизвѣстную еще черту, какія нибудь обстоятельства, анекдоты или новыя подробности. Открытіе такого рода, становясь болѣе трудным со дня на день, было настоящимъ тріумфомъ, и признательность, обнародывая оное, казалось принимала на себя личину тщеславія.“ —

„Книга сія заслуживаетъ вниманіе публики по приложеніямъ. Краткое обозрѣніе, помѣщенное въ началѣ книги, излагаетъ главнѣйшія происшествія царствованія АЛЕКСАНДРА I. За анекдотами слѣдуетъ собраніе публичныхъ актовъ, манифестовъ, рескриптовъ, приказовъ и проч. Собраніе сочиненій въ стихахъ и прозѣ, писанныхъ на случай смерти Императора, кои всѣ отличаются единодушнымъ чувствомъ, съ коимъ написаны, и изъ коихъ нѣкоторыя свидѣтельствуютъ о дарованіяхъ сочинителей; наконецъ краткое повѣствованіе о путешествіи Императора въ Таганрогъ и о кончинѣ Его, послѣдуемое описаніемъ шествія тѣла въ С. Петербургъ и погребенія онаго.“ —

М. въ Унив. тип. 1826 г. Цѣна съ картинами 8 руб. — Она же на луч. бѣл. бумагѣ 10 р.

ПЛАНЪ

Дворца Государя Императора **АЛЕКСАНДРА I-го**

въ ТАГАНРОГѢ.

C.